

Терминосянц К.К.

студент

Научный руководитель: Савелова Л.В., д. филол. н., доцент

Северо-Кавказский федеральный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА РУСАЛКИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА

Аннотация: в статье исследуется трансформация образа русалки в произведениях А.С. Пушкина. Автор рассматривает ключевые изменения, которые возможно отследить в изображении русалок в творчестве Пушкина, и на их основе сделать выводы о развитии образа в произведениях конкретного автора.

Annotation: This article examines the transformation of the mermaid image in the works of Alexander Pushkin. The author examines the key changes that can be traced in the depiction of mermaids in Pushkin's works and, based on these, draws conclusions about the development of the image in the works of this particular author.

Ключевые слова: русалка, Пушкин, мифология, поэма, образ

Keywords: mermaid, Pushkin, mythology, poem, image

В русской литературе конца XVIII - начала XIX века взгляд на образ русалки был достаточно однообразен. В основном русалка рассматривалась через призму зарубежной фольклорной традиции, на что в немалой степени

повлияли переводные тексты немецких авторов-романтиков. Выбор русалки как художественного образа во многих романтических произведениях обусловлен в том числе на ассоциативном уровне: по Хазиеву, художественные образы «не просто воспроизводят единичные факты, но сгущают, концентрируют существенные для автора стороны жизни во имя ее оценивающего осмысления» [3].

Александр Сергеевич Пушкин в своем творчестве уделял большое внимание образу русалки. Художественный образ русалки был изображен в следующих произведениях: в балладе «Русалка» 1819 г., в поэме «Руслан и Людмила» 1820 г., в стихотворении «Как счастлив я, когда могу покинуть...» 1826 г., в неоконченной драме «Русалка», опубликованной в 1837 г. и в одной из «Песен западных славян», «Яныш-Королевич» 1835 г.

По характеру изображения русалки можно разделить произведения на более ранний и более поздний этапы. В балладе 1819 года, поэме и стихотворении 1826 года можно выделить общие функции и мотив соблазнения как доминирующий. Русалка показана достаточно точно как архетип соблазнительницы и с точки зрения фольклорных источников. Однако образ достаточно прост и заключается в выполнении функции соблазнительницы, губящей лирического героя:

Баллада «Русалка» представляет следующий образ русалки: «И снова дева над водою // Сидит, прелестна и бледна. // Глядит, кивает головою, // Целует издали шутя, // Играет, плещется волною, // Хохочет, плачет, как дитя, // Зовет монаха, нежно стонет... // «Монах, монах! Ко мне, ко мне!...»

Данное описание совпадает с описанием облика русалки у В. И. Даля: «но вообще русалки большею частью молоды, стройны, соблазнительно хороши: они ходят нагие, или в белых сорочках, но без пояса, с распущенными волосами, зелеными, как иные утверждают...» [2]

В поэме «Руслан и Людмила» сюжетная роль русалок достаточно скромна и повторяет функции соблазнения и погубления: «Русалки, тихо на ветвях // Качаясь, витязя младого // С улыбкой хитрой на устах // Манят, не говоря ни слова...»; «...И слышно было, что Рогдая // Тех вод русалка молодая // На хладны перси приняла // И, жадно витязя лобзая, // На дно со смехом увлекла...» [5]

Более поздний этап позволяет отследить в творчестве Пушкина новый подход к изображению образа. Русалка у Пушкина впервые претерпевает трансформацию: во-первых, в произведениях представлен процесс становления человеческой женщины русалкой, характерный для верований восточных славян и описанный, в частности, у Афанасьева в «Поэтических воззрениях славян на природу»: «Русские поселяне убеждены, что русалки суть души младенцев, умерших некрещеными, а также утопленниц, удавленниц и вообще женщин и девиц, самопроизвольно лишивших себя жизни, следовательно, души непогребенных. Но когда все были язычники и не знали ни крещения, ни христианского погребения, тогда всякая душа соприсчислялась к русалкам. Девицы, бросающиеся с горя и отчаяния в воду, подхватываются русалками и поступают в среду этих водяных нимф, подобно тому, как у литовцев такие утопленницы превращаются в ундин. Младенцев мертворожденных или скончавшихся без крещения русалки похищают из могильных ям и уносят в свои воды; они крадут их даже из-под порога избы» [1].

Если обращаться к произведениям немецкого романтизма, то изображение образа морской девы, условной русалки, всегда было связано с мотивами романтического двоемирия. Героиня изначально сверхъестественный образ, связанные с силами природы и морской стихии, либо погубительница, не имеющая ярко выраженных психологических черт. В свою очередь, Царица русалок из драмы «Русалка» и Елица из «Яныш-

королевич» были изображены в человеческой и сверхъестественной ипостасях.

Во-вторых, у Пушкина прослеживается психологизация образа. В драме «Русалка» образ русалки усложняется, появляются новые грани и черты, свойственные русалке как героине, а не архетипу. Характер получает мотив мести, ранее не свойственный художественному образу в литературных произведениях.

«С той поры, // Как бросилась без памяти я в воду // Отчаянной и презренной девчонкой // И в глубине Днепра-реки очнулась // Русалкою холодной и могучей, // Прошло семь долгих лет — я каждый день // Омщенье помышляю...» [4].

В «Яныш-королевич», сюжет которой во многом перекликается с сюжетом «Русалки», образ достигает пика своего развития у Пушкина: героиня обретает имя – Елица, и демонстрирует выбор отчуждения от прошлого и былых обид: «Королевичу Елица не внимает, // Не внимает, головою кивает: // «Нет, не выду, Яныш королевич, // Я к тебе на зеленый берег. // Слаще прежнего нам не целоваться, // Крепче прежнего меня не полюбишь. // Расскажи-ка мне лучше хорошенько, // Каково, счастливо ль поживаешь // С новой любой, с молодой женою?» [6].

В сравнении с Царицей в драме «Русалка» можно отметить явное противопоставление – чувства одной героини прошли через смерть и преобразились в жажду мести, в то время как другая, Елица, показала смирение и желание забыть былое, как любовь, так и обиду.

Таким образом можно отследить трансформацию образа как психологическую, так и мифологическую. Пушкин производит трансформацию персонажа через призму развития характера – поздняя его русалка представлена в двух ипостасях и обладает большей психологической проработанностью в сравнении с ранним этапом в творчестве Пушкина.

Использованные источники:

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. – Том 2. – М., 1865. – С. 200-282.
2. Даль В. И. Русалка // О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. — 2-е изд. — СПб.: М.О. Вольф, 1980.
3. Теория литературы : учебник для студентов высших учебных заведений / Хализев В. Е. - 4-е издание, исправленное и дополненное. - Москва : Высшая школа, 2004.
4. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959-1962. Том 4.
5. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959—1962. Том 3.
6. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959—1962. Том 2.